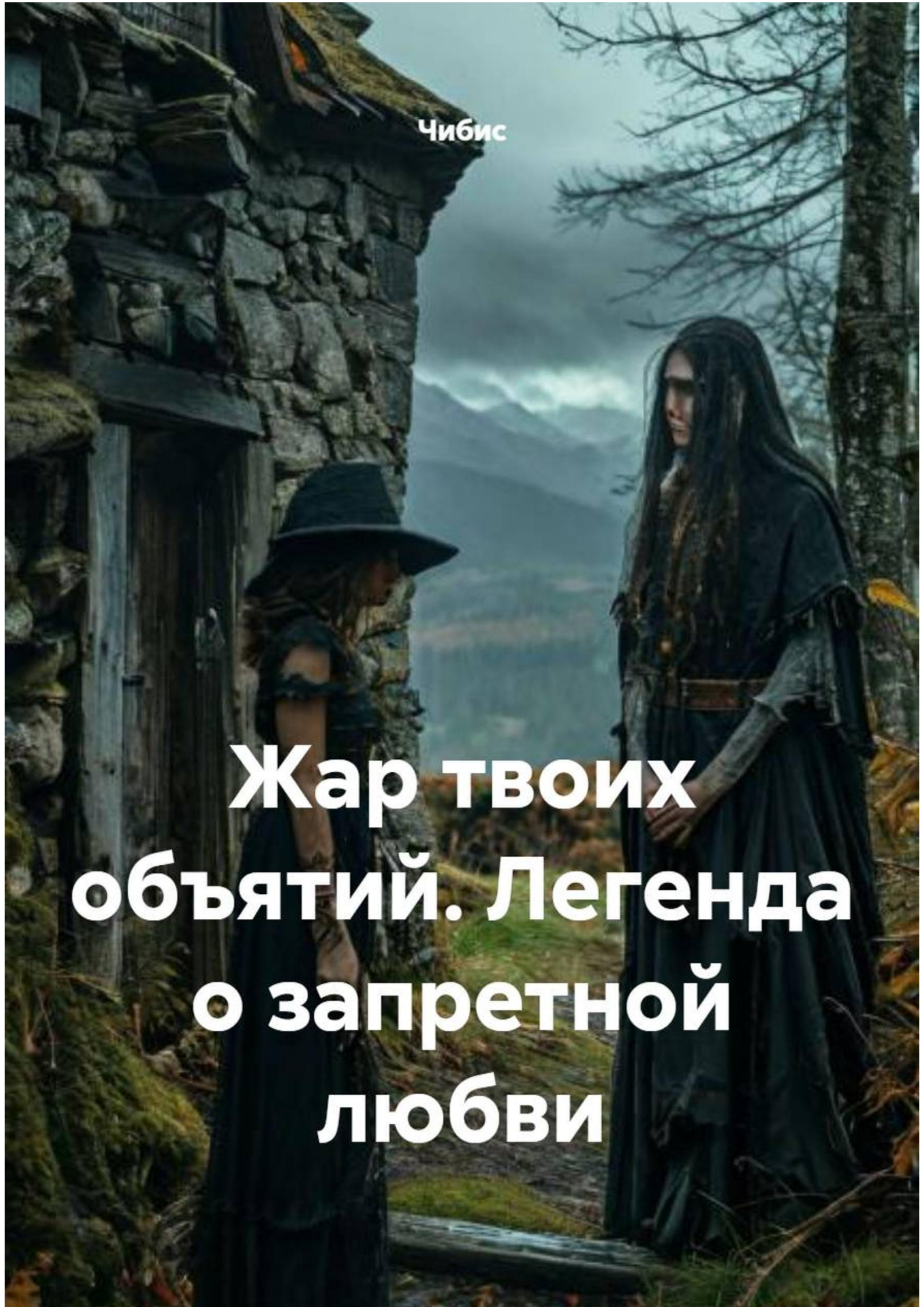

Чибис

Жар твоих объятий. Легенда о запретной любви

Чибис

**Жар твоих объятий.
Легенда о запретной любви**

«Автор»

2026

Чибис

Жар твоих объятий. Легенда о запретной любви / Чибис —
«Автор», 2026

Я — ведьма, и мой дар — это смерть для тех, кого я люблю. Мать прокляла меня в час своей гибели, обрекая на вечное одиночество. За семнадцать лет я не позволила себе ни единого вздоха, ни единого удара сердца навстречу мужчине. Но он появился на пороге моей лесной сторожки — израненный, молчаливый, с глазами цвета грозового неба. Впервые я могла дышать рядом с мужчиной и не бояться. Он представился странником без рода, но я-то знаю: таких, как он, не бывает. В его прошлом — тьма страшнее моего проклятия, а на груди — шрам от клинка, который принадлежал моему отцу. Когда наши тайны столкнутся, под пеплом наших объятий вспыхнет пламя. В момент их финального объяснения Северьян закрывает её собой от смертельного удара. Истекая кровью в её объятиях, он шепчет слова настоящей любви. И в этот миг проклятие, не находя в её сердце ненависти, а лишь светлую скорбь, обращается вспять, воскрешая его. Огонь прошлого сгорает, оставляя лишь пепел, из которого возрождается их новая, чистая любовь.

© Чибис, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тот, кто выжил	6
Глава 2. Чужой	8
Глава 3. След на снегу	11
Глава 4. Тропа мертвецов	15
Глава 5. Ночной разговор	18
Глава 6. Волчья стая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чибис
Жар твоих объятий.
Легенда о запретной любви

Посвящается тем, кто боится любить, но всё равно делает этот шаг в пропасть.

Глава 1. Тот, кто выжил

В тот год зима пришла рано.

Она выползла из северных болот промозглым туманом, ударила первыми заморозками по ещё не опавшей листве и посеребрила траву на полянах таким жёстким инеем, что он хрустел под ногами, как битое стекло. Лес замер в тревожном ожидании, притихший и настороженный. Даже старые ели, вечно шумящие даже в безветрие, словно придержали свои колючие лапы, боясь выдать чужое присутствие.

Веда стояла на крыльце своей сторожки и смотрела, как низкое, негреющее солнце пытается пробиться сквозь свинцовую пелену облаков. Она любила это время. Любила, когда мир вокруг замирает, когда запахи становятся резче, а звуки – обманчивее. В такие дни лес говорил с ней громче обычного.

– Тихо сегодня, – прошептала она, поправляя сползший с плеч шерстяной платок. – Спите.

В ответ ей откликнулся лишь одинокий вороний грей, далекий и надрывный.

Веда зябко повела плечами. Ей не было холодно – кровь у ведьм всегда горячая, мать говорила, что это пламя рода греет изнутри. Но озноб, идущий откуда-то изнутри, из самого нутра, она чувствовала постоянно. Он поселился в ней семнадцать лет назад, в ту ночь, когда небо над домом полыхало алым, а мамин крик расколол тишину на «до» и «после».

– *Никому не отдавай сердце, Веденя!* – кричала мать, в последний раз сжимая её маленькую ладошку. – *Поклянись! Поклянись, что не полюбишь! Иначе – смерть!*

Она сдержала клятву.

Семнадцать лет. Шесть тысяч двести пять дней. Ни одного вздоха, ни одного биения сердца, обращённого к мужчине. Деревенские парни, что по глупости пытались заглядываться на «лесную лекарку», быстро переставали это делать. Стоило кому-то из них приблизиться слишком близко, проявить излишнюю симпатию, как Веда чувствовала этот проклятый зуд в кончиках пальцев – сигнал. Предупреждение магии: *«Этот умрёт. Отойди. Не смей»*.

Она привыкла. Привыкла спать одна в холоде, привыкла отводить взгляд, привыкла к вечному, ноющему одиночеству, которое стало её вторым «я». Здесь, в глубине леса, в сторожке, доставшейся от матери, она была в безопасности. Здесь её никто не трогал.

День выдался хлопотным. Веда собрала последние целебные корни, пополнила запасы сушеницы и уже собиралась растопить печь, когда ветер переменялся.

Она замерла с охапкой дров в руках.

Ветер принёс запах. Чужой. Металлический и сладковатый – так пахнет свежая кровь, смешанная с болотной тиной.

Веда насторожилась, прикрыв глаза, прислушиваясь к лесу. Тишина. Мёртвая, звенящая тишина. Даже вороны замолчали. А потом где-то далеко, со стороны Топяного болота, хрустнула ветка. И ещё одна.

Кто-то шёл. Тяжело, не скрываясь, спотыкаясь и падая.

Разум кричал: *«Не ходи. Не смей. Это может быть ловушка. Охотники всё ещё ищут ведьм»*. Но ноги уже несли её вперёд, в сумерки, навстречу этому запаху крови. Она была ведуньей. Помогать – было у неё в крови.

Она нашла его у старого замшелого валуна, того самого, который местные называли «Плакун-камнем». Мужчина лежал ничком, наполовину в холодной воде, и не шевелился. Его одежда – добротный тёмный плащ, сапоги из хорошей кожи – была изодрана в клочья, будто его драли дикие звери. Или люди.

Веда бесшумно приблизилась. Сердце колотилось где-то в горле, но руки, вопреки страху, уже потянулись к незнакомцу. Она перевернула его на спину и едва сдержала крик.

Он был красив. Даже сейчас, с бледным, как снег, лицом, с запёкшейся кровью на губах и глубокой раной на боку. Чёрные, как смоль, волосы прилипли к высокому лбу, резкие скулы заострились, а длинные ресницы отбрасывали тени на осунувшиеся щёки. Он был чужим. Не из её леса, не из её мира.

Она наклонилась ниже, проверяя дыхание, и тут же отдёргнула руку, словно обожглась. Пальцы покалывало.

Тот самый зуд. *Предупреждение.*

– Нет... – выдохнула она, в ужасе глядя на свою ладонь. – Только не это. Ты не можешь... ты чужой...

Она ждала, что чувство усилится, станет невыносимым, как бывало всегда. Но оно... замерло. Дрожало на грани восприятия, зудело, но не переходило в агонию. Будто магия не знала, как реагировать.

Веда замерла, боясь пошевелиться. Потом, повинуясь безотчётному порыву, снова коснулась его щеки. Кожа была холодной, но живой. И покалывание оставалось прежним – слабым, нерешительным. Не смертельным.

– Кто ты такой? – прошептала она, вглядываясь в его бледное лицо.

Ответа не было.

Пришлось тащить его на себе. Он был тяжёлым, как мешок с камнями, но Веда не прижала жалеть себя. Она волокла его по мху и пожухлой траве, оставляя за собой кровавый след, и всё время прислушивалась к себе. К своим пальцам, лежащим на его груди. К своему сердцу, которое почему-то билось быстрее обычного.

Она внесла его в сторожку, свалила на лавку у печи и только тогда позволила себе перевести дух. Свет очага осветил его лицо. Она стащила с него изодранный плащ, разрезала рубаху, чтобы добраться до раны, и замерла.

На груди, чуть ниже левой ключицы, прямо над сердцем, у него был шрам. Старый, заживший много лет назад, но отчётливый. Шрам в форме полумесяца.

Такой шрам оставляет только один клинок в мире – тот, что висел когда-то на поясе её отца. Отца, которого она никогда не знала. Отца, погибшего в ту же ночь, что и мать, защищая их дом.

Дрова в печи громко треснули, выплёвывая сноп искр. Веда отшатнулась, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать.

– Нет, – выдохнула она сквозь пальцы. – Этого не может быть.

Незнакомец на лавке застонал, дёрнулся и на мгновение приоткрыл глаза. В тусклом свете очага она увидела их цвет – глубокий, тёмно-синий, как грозовое небо перед бурей. Он посмотрел на неё мутным, невидящим взглядом, шевельнул губами, будто пытаясь что-то сказать, и снова провалился в беспамятство.

А Веда всё стояла над ним, сжимая в руке ножницы, которыми только что разрезала его рубаху, и чувствовала, как мир рушится у неё под ногами.

Проклятие молчало. Но прошлое, тяжёлое и кровавое, только начинало свой разбег.

Она посмотрела на свои дрожащие пальцы. Покалывание почти исчезло. А вместе с ним уходил и тот ледяной озноб, что жил в ней семнадцать лет.

Ей стало тепло. Впервые – по-настоящему тепло.

И это было страшнее любого проклятия.

Глава 2. Чужой

Всю ночь Веда просидела у печи, не смыкая глаз.

Огонь тихо потрескивал, отбрасывая пляшущие тени на бревенчатые стены, а она смотрела на незнакомца и пыталась унять дрожь в руках. Не от холода – в сторожке было жарко натоплено. От того странного, незнакомого чувства, что поселилось под ребрами с той минуты, как она коснулась его щеки.

Он метался в беспамятстве.

– Нет... – хрипел он, сжимая побелевшими пальцами край лавки. – Не надо... Прочь...

Веда тут же оказывалась рядом, прижимала прохладную ладонь к его пылающему лбу, шептала что-то успокаивающее, как делала для раненых зверей, что иногда попадали к ней в руки. Но он был не зверем. Он был мужчиной. И это меняло всё.

К рассвету жар спал.

Он задышал ровнее, глубже, и Веда наконец позволила себе выдохнуть. Раны на боку оказались глубокими, но чистыми – никакой гнили, никакой скверны. Кто-то хотел его убить, но делал это клинком, а не отравой. Странно. Обычно в этих лесах убивают иначе.

Она подбросила дров в печь, сварила снадобье из ивовой коры и сон-травы и снова опустилась на табурет рядом с лавкой. Теперь, когда страх за его жизнь отступил, можно было рассмотреть его спокойно.

Высокий. Широкоплечий. Даже сейчас, обессиленный и бледный, он внушал опасение – слишком мощные руки, слишком жесткая линия челюсти. Кожу на костяшках содрал, будто кому-то въехал по зубам. Ладони в мозолях – не крестьянских, не от сохи и топора. Других. Такие мозоли бывают у тех, кто много лет держит меч.

Веда перевела взгляд на его лицо и поймала себя на том, что рассматривает его дольше, чем следовало бы.

Тёмные брови вразлет, резкие скулы, глубокие складки у губ. Возраст его она определить не могла – могло быть тридцать, а могло и все сорок. Времени он не щадил. Но даже сейчас, израненный и чужой, он казался ей... правильным. Будто сама природа вырезала эти черты с особой тщательностью, зная, что однажды она будет на него смотреть.

– Дура, – шепнула она себе. – Старая дура.

Она протянула руку, чтобы поправить сползшую с его груди льняную тряпицу, и снова замерла.

Шрам.

Полумесяц.

Отец погиб, когда ей было три года. Она почти не помнила его лица, только руки – большие, тёплые, пахнущие железом и лесом. И клинок. Тот самый клинок, что висел у него на поясе, с рукоятью, инкрустированной лунным камнем. Мать рассказывала, что клинок этот был особенным – заговорённым, разящим нечисть наповал. И что лезвие его оставляло раны, которые не заживали годами, а шрамы – навсегда.

Этот шрам зажил. Но остался. И форма его не оставляла сомнений – такой след мог оставить только тот клинок.

– Кто ты? – прошептала Веда, вглядываясь в его лицо. – И почему проклятие молчит?

Ответа не было.

Она задремала под утро, прямо сидя на табурете, прислонившись спиной к тёплой печной стене. Проснулась оттого, что кто-то смотрел на неё.

Веда открыла глаза и встретила с ним взглядом.

Он лежал неподвижно, не меняя позы, но глаза его – эти тёмно-синие, грозовые глаза – были открыты и смотрели на неё в упор. Взгляд тяжёлый, цепкий, оценивающий. Таким взглядом смотрят звери из засады, прикидывая, опасен ли ты и стоит ли нападать.

– Ты... – хрипло выдохнул он, и голос его оказался низким, глубоким, с хрипотцой, от которой по спине Веды пробежали мурашки. – Кто ты?

– А ты? – ответила она вопросом на вопрос, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем было на самом деле.

Он моргнул. Попытался приподняться, но тут же зашипел от боли и упал обратно на лавку.

– Лежи, – приказала Веда. – Рана глубокая, я едва заштопала. Если разойдётся швы, помрёшь прямо здесь, а мне потом полы от крови отмывать.

Он усмехнулся – одними уголками губ, без веселья.

– Заботливая.

– Расчётливая. Я не для того тебя из болота тащила, чтобы ты тут подох.

Повисло молчание. Он рассматривал её, она – его. В сторожке было тихо, только дрова потрескивали да где-то за стеной посвистывал ветер.

– Я ничего не помню, – сказал он вдруг.

– Что?

– Как меня зовут. Откуда я. Что со мной случилось. – Он нахмурился, и складка между бровей стала глубже. – Я помню лес. Холод. И... боль. А потом ты.

Веда вскинула бровь:

– Удобно.

– Что?

– Ничего не помнишь. Ни имени, ни рода. Может, ты беглый каторжник. Может, убийца. А может, и то и другое сразу.

– Может быть, – спокойно согласился он. – Но убивать тебя прямо сейчас я не в силах, так что можешь не бояться.

– Я не боюсь, – соврала Веда и отвернулась к печи, чтобы он не видел её лица.

Она зачерпнула ковшом горячий отвар, налила в глиняную кружку и сунула ему в руки.

– Пей. Это от лихорадки.

Он послушно сделал глоток, поморщился – отвар был горьким, – но выпил всё до дна.

– Спасибо.

Веда кивнула, принимая пустую кружку. Их пальцы соприкоснулись на мгновение, и она отдернула руку быстрее, чем следовало. Он заметил.

– Я тебя пугаю?

– Нет.

– Тогда почему ты дрожишь?

Она прижала руку к груди и с удивлением поняла, что он прав. Пальцы дрожали. И покалывания в них не было. Совсем.

– Холодно, – буркнула она. – Я всю ночь у печи просидела, устала.

Он смотрел на неё, и в глазах его мелькнуло что-то странное – будто он видел её насквозь, будто знал про неё больше, чем она сама.

– Я помню кое-что ещё, – сказал он тихо. – Лицо. Женское. Очень красивое. Оно склонялось надо мной, когда было темно. И было тепло.

Веда почувствовала, как щёки заливают краска.

– Тебе показалось. Это лихорадка.

– Нет, – он покачал головой, не сводя с неё глаз. – Не показалось. Это была ты.

Она резко встала, едва не опрокинув табурет.

– Мне нужно за дровами.

– На улице ночь, – усмехнулся он, кивнув на затянутое инеем окно, за которым действительно было темно.

– Тем лучше. Дрова от этого не портятся.

Она выскочила на крыльцо, впустив в сторожку клуб морозного пара, и прикрыла за собой дверь. Прислонилась спиной к косяку, закрыла глаза и попыталась успокоить бешено колотящееся сердце.

Что с ней творится?

Семнадцать лет она жила как во льду. Ни вдоха, ни взгляда, ни единой мысли о мужчине. А сейчас – сейчас она готова была стоять здесь, на морозе, всю ночь, лишь бы не возвращаться в тепло, где он лежит и смотрит на неё этими своими глазами.

И проклятие молчит.

Почему?

Она посмотрела на свои руки. Ни зуда. Ни покалывания. Только лёгкое тепло, разливающееся по венам, словно она выпила добрую чарку медовухи.

– Ты кто такой? – прошептала она в темноту, глядя на звёзды, холодные и равнодушные.

– И что ты со мной делаешь?

Звёзды молчали. Только ветер завывал в трубе, да где-то далеко, на болоте, ухал филин.

Она вернулась в сторожку через полчаса, когда окончательно замёрзла. Он лежал с закрытыми глазами, и Веда сначала подумала, что он уснул. Но когда она подошла к печи погреть руки, он заговорил:

– Ты так и не сказала, как тебя зовут.

Она замерла.

– Веда.

– Красивое имя. – Он открыл глаза. В полумраке они казались почти чёрными. – А я?

– Что – я?

– Как мне тебя называть? У меня нет имени.

Веда помолчала, потом взяла с полки чистую тряпицу и принялась менять повязку на его ране, стараясь не смотреть ему в лицо.

– Ты похож на северный ветер, – сказала она тихо. – Такой же холодный и дикий. Буду звать тебя Северьяном.

Он улыбнулся – впервые по-настоящему, тепло, и от этой улыбки у неё снова перехватило дыхание.

– Северьян. Мне нравится. – Он помолчал. – Спасибо тебе, Веда.

– За что?

– За то, что не дала мне умереть. И за имя.

Она кивнула, пряча взгляд.

– Спи. Завтра будет трудный день.

– Почему?

– Потому что послезавтра я выгоню тебя вон.

Он усмехнулся, но ничего не ответил. Только закрыл глаза и почти сразу провалился в сон – на этот раз спокойный, без метаний.

Веда долго сидела рядом, глядя на его лицо, освещённое огнём. И впервые за семнадцать лет позволила себе помечтать.

О том, как было бы, если бы он остался.

О том, как было бы, если бы она могла любить.

А за окном выла вьюга, замечая следы, ведущие к сторожке, и никто из них не знал, что эта ночь – последняя тихая ночь в их жизни.

Глава 3. След на снегу

Утро встретило их стужей.

Веда проснулась от холода – печь прогорела, и в сторожке стоял тот особый, пронизывающий озноб, который бывает только перед рассветом. Она зябко повела плечами, кутаясь в шерстяное одеяло, и тут же вспомнила.

Он здесь.

Северьян.

Она села на лежанке и посмотрела в сторону лавки. Он спал, отвернувшись к стене, и тяжелое одеяло вздымалось от ровного дыхания. Жив. Ещё жив. И проклятие всё так же молчит.

Веда осторожно, стараясь не шуметь, встала, накинула платок и принялась растапливать печь заново. Руки делали привычное дело сами, а мысли кружились вокруг одного – шрама на его груди.

Отец.

Она почти ничего не знала о нём. Мать не любила говорить о прошлом, а когда Веда, будучи совсем девчонкой, приставала с расспросами, только качала головой и шептала: «Потом, доченька. Когда-нибудь потом». Но «потом» не случилось – мать погибла в ту ночь, забрав тайны с собой в могилу.

Остался только клинок. Она спрятала его тогда, семнадцать лет назад, в тайнике под половицами, куда никто никогда не заглядывал. И ни разу не доставала – слишком тяжело было смотреть на лунный камень в рукояти, слишком больно.

Может, пора?

Веда покосилась на спящего Северьяна и покачала головой. Нет. Рано. Сначала надо понять, кто он и откуда у него этот шрам. Может, всё это случайность. Может, таких клинков было много.

А может, и нет.

Она поставила чугунок с водой на огонь и вышла на крыльцо – проверить ловушки, поставленные вчера на зайцев. Мороз обжёг лицо, выбил слезу из глаз. Лес стоял белый, искрящийся, недвижимый. Красиво до дрожи.

Она сделала несколько шагов от крыльца и замерла.

Следы.

Чужие следы на снегу. Много следов – цепочка, ведущая от опушки к её дому. И не сегодняшние – вчерашние, чуть припорошенные ночным снегопадом, но всё ещё отчётливые.

Веда присела на корточки, рассматривая отпечатки. Мужские сапоги. Добротные, с подковками на каблуках – такие носят не крестьяне и не охотники. Такие носят те, кто привык к долгим переходам по камню и грязи. Военные? Или...

Она выпрямилась и посмотрела в сторону леса. Вчера она нашла Северьяна у Плакун-камня, далеко отсюда. Если эти следы вели к её дому, значит, кто-то шёл именно сюда. И шёл не случайно.

Сердце тревожно ёкнуло.

Охотники.

Она много лет боялась этого дня. Боялась, что однажды они придут – те, кто убил её мать, те, кто охотится на ведьм по всему королевству. Она думала, что спряталась достаточно глубоко, что лес защитит, что болота не пропустят чужих. Но следы на снегу говорили об обратном.

Кто-то знал, где она живёт.

Кто-то шёл к ней.

Веда быстро, насколько позволял глубокий снег, обошла дом по кругу. Следы вели от опушки к крыльцу, потом назад, в лес. Но не одни – их было несколько. Трое, maybe четверо. Они не стали ломиться в дом. Они просто пришли, посмотрели и ушли.

Или не ушли?

Она вгляделась в кромку леса. Тишина. Ни движения, ни звука. Только снег искрится на солнце, только где-то далеко стучит дятел.

Веда вернулась в сторожку, тщательно притворив дверь и задвинув тяжёлый засов. Северьян уже не спал – сидел на лавке, придерживая рукой повязку на боку, и смотрел на неё.

– Что случилось?

– Ничего, – слишком быстро ответила она. – Спи.

– Я уже выспался. – Он поморщился, меняя позу. – И врать ты не умеешь. Что там?

Веда помолчала, потом подошла к окну и выглянула в щёлку между ставнями.

– Следы. Много следов. Вчерашние.

– Чьи?

– Не знаю. Но идут от леса к дому. И обратно.

Он напрягся. Даже сквозь бледность и слабость это было заметно – как камень под кожей, как сталь, спрятанная в ножны.

– Ко мне?

– Не знаю. Может, к тебе. А может, ко мне.

Он помолчал, потом спросил тихо:

– Кому ты нужна, Веда?

Вопрос повис в воздухе. Она обернулась и посмотрела на него в упор. Сказать правду? Не сказать? Он чужой. Опасный. С шрамом от отцовского клинка на груди. Но проклятие молчит, и это меняет всё.

– Мою мать убили, – сказала она наконец. – Давно. Семнадцать лет назад. Те, кто охотится на таких, как мы.

– На таких, как вы?

– На ведьм, – выдохнула она. – Я ведьма, Северьян. И если те, кто оставил следы, – охотники, значит, они наконец меня нашли.

Он смотрел на неё долго, очень долго. И в глазах его было что-то странное – не страх, не отвращение, а... узнавание? Будто он давно ждал этих слов.

– Ты не боишься? – спросила она тихо. – Большинство боятся.

– Я видел много такого, чего стоит бояться больше, – ответил он. – Ведьмы – не самое страшное.

– А что самое страшное?

Он усмехнулся, и усмешка вышла горькой.

– Люди.

Она не нашлась что ответить. Отвернулась к окну, снова выглянула в щель. Лес молчал.

– Они могут вернуться, – сказала она. – Сегодня. Завтра. Когда захотят.

– Тогда нам нужно уходить.

– Нам? – она резко обернулась. – Тебе какое дело? Ты чужой здесь. Ты ничего не помнишь. Ты мог бы уйти и забыть, что видел меня.

Он поднялся с лавки, пошатнулся, ухватился за стену. Лицо его побледнело ещё сильнее, но в глазах горел упрямый огонь.

– Ты спасла мне жизнь, – сказал он. – Я не из тех, кто забывает такие вещи. И потом...

– Что – потом?

– Я чувствую, – он помолчал, подбирая слова, – что мы связаны. Не знаю как. Но связаны. Ты чувствуешь то же самое?

Она хотела ответить «нет». Хотела засмеяться, отшутиться, выставить его вон, пока не поздно. Но проклятие молчало, и в груди разливалось тепло, и она вдруг поняла, что не хочет врать.

– Чувствую, – прошептала она. – И это меня пугает.

Он кивнул, будто ждал этого ответа.

– Тогда решено. Мы уходим вместе.

– Ты не дойдёшь. У тебя рана.

– Дойду. Или умру по дороге. Но здесь оставаться нельзя.

Веда посмотрела на него, на его бледное лицо, на руку, судорожно сжимающую край стола, и поняла, что он прав. Охотники вернутся. Может, сегодня. Может, завтра. Но они вернутся, и тогда ей не выжить. А с ним... с ним, может быть, и получится.

– Хорошо, – сказала она твёрдо. – Уходим. Но сначала я кое-что покажу тебе.

Она подошла к тому месту, где под половицами был тайник, отодвинула тяжёлый половик и нажала на доску. Та со скрипом поддалась, открывая тёмное углубление.

– Что там? – спросил Северьян.

– Ответы. Или новые вопросы. Смотря как посмотреть.

Она достала свёрток – тяжёлый, в промасленной тряпице, и положила на стол. Развернула.

Клинок блеснул в свете огня. Длинный, чуть изогнутый, с вытертой до блеска рукоятью, в которую был вправлен мутно-белый лунный камень. Лезвие было чистым – годы хранения не оставили на нём ржавчины, только тёмные разводы, похожие на застарелую кровь.

Северьян смотрел на клинок, и лицо его менялось. Краска схлынула с него полностью, глаза расширились, руки задрожали.

– Где ты это взяла? – спросил он хрипло.

– Это отца. Он погиб, когда мне было три года. А что?

Он молчал долго, очень долго. Потом медленно, будто во сне, расстегнул ворот рубахи и обнажил грудь.

Шрам. Полумесяц.

– Я вспомнил, – сказал он тихо. – Не всё. Но это... – он коснулся шрама дрожащей рукой, – это оставил такой же клинок. Я помню удар. Помню боль. И лицо... лицо мужчины, который ударил.

– Моего отца? – выдохнула Веда.

– Не знаю. Может быть. – Он поднял на неё глаза, и в них плескалась такая мука, что у неё сердце сжалось. – Значит, если это правда... твой отец хотел меня убить.

Тишина в сторожке стала плотной, как вода. Веда смотрела на него, на клинок в своих руках, и не знала, что думать.

Семнадцать лет она хранила это оружие как память об отце, которого не знала. А теперь выясняется, что оно, возможно, связано с этим человеком. С тем, кого проклятие пропустило. С тем, от кого тепло разливается по телу.

– Я ничего не понимаю, – прошептала она. – Совсем ничего.

– Я тоже, – ответил Северьян. – Но есть кто-то, кто знает. Те, кто оставил следы на снегу. Мы должны их найти.

– Или они найдут нас, – горько усмехнулась Веда.

Она завернула клинок обратно в тряпицу и сунула за пояс. Потом достала из сундука тёплые вещи, мешок с сухарями, сушёное мясо, снадобья.

– Одевайся, – сказала она. – Выходим через час.

Северьян кивнул и начал натягивать сапоги, морщась от боли. Веда подошла к окну, в последний раз оглядывая сторожку – своё убежище на семнадцать лет. Странно, но ей не было жаль. Словно она знала всегда, что однажды придётся уйти.

– Веда, – позвал он тихо.

Она обернулась.

– Что бы ни случилось... я рад, что ты нашла меня там, в лесу.

Она хотела ответить что-то резкое, как всегда, но вместо этого улыбнулась – впервые за много лет.

– Я тоже, Северьян. Я тоже.

За окном завыл ветер, срывая снег с ветвей, и где-то далеко, на краю леса, закаркали вороны. Чужие вороны. Предупреждающие.

Они уходили. Но прошлое, тяжёлое и кровавое, шло за ними по пятам.

Глава 4. Тропа мертвецов

Они ушли до полудня.

Веда заперла дверь сторожки на тяжелый засов, будто это могло защитить её пустой дом от чужих рук, и сунула ключ в карман. Глупость, конечно. Если охотники решат войти, никакой засов их не остановит. Но оставлять жильё незапертым было выше её сил – слишком много лет эта дверь была единственной преградой между ней и миром.

Северьян ждал на крыльце, опираясь плечом о косяк. За час он не просто оделся – он словно преобразился. Даже бледный, даже припадающий на левый бок, он выглядел опасным. Туго перетянутый ремнём плащ скрывал повязку, сапоги плотно облегли ногу, а в глазах появилась та холодная, расчетливая настороженность, которая бывает у зверей, почуявших погоню.

– Куда? – спросил он коротко.

Веда посмотрела на лес. Вороны всё ещё кружили над дальними елями – там, где начались топи. Чужие вороны. Она насчитала семь – плохое число.

– К Плакун-камню нельзя, – сказала она. – Там ты лежал, там могли оставить засаду. На запад тоже нельзя – там деревня, а я там чужая. На востоке...

– Что на востоке?

– Топи. Мёртвые топи.

Он посмотрел на неё внимательно:

– Мёртвые – потому что опасные или потому что там кто-то живёт?

– И то, и другое. Там старые курганы. Говорят, в них спят те, кого лучше не будить. Но если пройти тропой, которую знаю только я, можно выйти к старому тракту. А по тракту – до города за три дня.

– В город нельзя, – отрезал Северьян. – Если за мной и правда охотятся, в городе нас возьмут быстрее всего.

Веда усмехнулась:

– Ты вспомнил что-то?

Он поморщился, провёл ладонью по лицу:

– Нет. Но это... это знание внутри. Будто тело помнит то, что голова забыла. Я знаю, как держать меч. Знаю, как читать следы. Знаю, что в городе нас убьют.

– Значит, топи, – подвела итог Веда. – Идти сможешь?

Вместо ответа он шагнул в снег и пошёл, не оглядываясь. Проваливался глубоко, тяжело дышал, но шёл. Веда догнала его через несколько шагов и сунула в руку палку – крепкую, выше пояса.

– Опирайся. И не геройствуй. Если свалишься в снег, я тебя не дотащу – ты вон какой огромный.

Он усмехнулся, принимая палку:

– Заботливая.

– Расчётливая, – поправила она, как тогда, в первый день. – Идём.

Они углубились в лес. Сразу за сторожкой начинался ельник – старый, дремучий, где даже в полдень царил полумрак. Ели стояли стеной, цеплялись за одежду колючими лапами, сыпали за воротник холодную снежную пыль. Веда шла первой, выбирая дорогу, Северьян – след в след за ней, тяжело дыша, но не жалуясь.

Она слышала его дыхание за спиной и думала о том, как странно всё складывается. Ещё три дня назад она была одна. Привычно, спокойно, навсегда одна. А теперь вот ведёт через лес мужчину, которого знает меньше, чем некоторых лесных зверей, и чувствует... что? Страх? Тревогу? Или что-то другое, для чего в её словаре не было названия?

– Веда, – позвал он тихо.

Она остановилась:

– Что?

– Следы.

Он указал палкой в сторону. Она пригляделась и похолодела. Следы. Свежие, сегодняшние. Цепочка уходила в сторону от их тропы, к замёрзшему ручью.

– Обходят, – прошептала она. – Они знают, куда мы идём.

– Или знают, куда мы можем пойти, – поправил Северьян. – Сколько троп из твоего дома?

– Две. К деревне и к тракту.

– А к топям?

– Это не тропа. Это... знание. Я просто знаю, где можно пройти. Дорожек там нет.

Он кивнул, в глазах мелькнуло одобрение:

– Значит, они пойдут по известным тропам. А мы – по неизвестным.

Они пошли дальше, но теперь Веда петляла чаще, уходила в бурелом, заставляла Северьяна перелезать через поваленные стволы и пробираться сквозь чащу. Рана на его боку открылась – она видела тёмное пятно, проступающее сквозь плащ, – но он молчал, только сильнее сжимал зубы и опирался на палку.

К вечеру вышли к топям.

Это место Веда знала с детства. Мать приводила её сюда, когда ей было лет семь, и строго-настрого запретила когда-либо ходить одной.

– Здесь спят те, кто старше богов, – шептала мать, глядя на тёмную воду меж кочек. – Их сон крепок, но будить нельзя. Тропа есть только одна – та, что я покажу. Запомни её, дочка. Если когда-нибудь придётся туго, эта тропа спасёт тебе жизнь.

Веда запомнила. Каждую кочку, каждый поворот, каждый чахлый куст, отмечающий путь. И сейчас этот путь лежал перед ней – серый, тоскливый, уходящий в туман, который даже зимой не рассеивался над топиями.

– Жуткое место, – тихо сказал Северьян, останавливаясь рядом.

– Поэтому мы здесь.

Она шагнула на первую кочку, проверяя, держит ли лёд. Держал. Тонко потрескивал, но держал.

– Ступай точно за мной, – приказала она. – Ни шага в сторону. Если провалишься, я тебя не вытащу – там бездонно.

Он кивнул и шагнул следом.

Они шли по топям, когда солнце уже село и сумерки сгустились до синевы. Туман поднимался от воды, цеплялся за ноги, забирался под одежду липким, холодным дыханием. Веда считала шаги и кочки, бормоча про себя заклинание-оберег, которому научила мать: «Чур меня, чур крови, чур чужого глаза, чур мёртвого следа».

Северьян молчал за спиной, но она чувствовала его присутствие – как тепло, как живой огонёк в этом мёртвом царстве.

– Веда, – вдруг позвал он шёпотом. – Смотри.

Она подняла глаза и замерла.

Впереди, в тумане, горел огонь.

Не костёр – слишком ровный, слишком бледный. Светилось что-то большое, круглое, будто окно в иной мир. И оттуда, из этого света, доносился звук. Тихий, тягучий, похожий на плач.

– Это курганы, – выдохнула Веда. – Мы слишком близко.

– Что это?

– Души. Или то, что от них осталось. Говорят, здесь похоронен древний князь со всей дружиной. И они не хотят, чтобы их тревожили.

Огонь мигнул, будто услышал её слова, и плач стал громче. Северьян сделал шаг вперёд, и Веда вцепилась в его руку:

– Ты куда?

– Там кто-то есть. Живой.

– Там нет живых! Там только...

Она не договорила. Потому что из тумана, из этого бледного света, вышла фигура. Человеческая. Женская. В длинном, до земли, платье, намокшем и тяжёлом. Женщина шла прямо к ним, не разбирая дороги, ступая по топям, где ступать нельзя.

– Мама... – выдохнула Веда, узнавая.

Это была она. Её мать. Такое же лицо, такие же руки, такой же платок, повязанный поверх тёмных волос. Только глаза... глаза были пустые, белые, без зрачков.

– Дочка, – позвала женщина голосом, который шёл будто из-под земли. – Зачем ты пришла? Я же велела тебе не приходить.

Веда стояла, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, а в голове билась одна мысль: «Это не она. Это не может быть она. Она умерла. Я сама её хоронила».

– Это морок, – услышала она голос Северьяна. Твёрдый, спокойный. – Не смотри на неё. Закрой глаза.

– Но это...

– Это не она. Закрой глаза, Веда.

Она послушалась. Зажмурилась крепко-крепко, вцепилась в его руку, чувствуя, как он притягивает её ближе, прижимает к себе.

– Читай своё заклинание, – шепнул он ей в ухо. – То, что бормотала всю дорогу. Читай.

– Чур меня, – выдохнула она дрожащими губами. – Чур крови. Чур чужого глаза. Чур мёртвого следа.

Плач за спиной стал громче, перешёл в вой. Ветер рванул так, что, казалось, сшибёт с ног. Но Северьян стоял, держал её, и тепло его тела было единственной ниточкой, связывающей её с реальностью.

– Чур меня! – крикнула она в голос. – Чур крови! Чур мёртвого следа!

Вой оборвался. Тишина упала такая, что заложило уши.

– Открывай, – тихо сказал Северьян.

Она открыла глаза. Туман рассеялся, огонь погас. Впереди, там, где только что стояла женщина в белом, торчала только старая, покосившаяся ветла, увитая замёрзшими лентами.

– Что это было? – спросил он.

– Духи. Стражи курганов. Они показывают людям то, что те больше всего хотят увидеть. Чтобы заманить в трясину.

– Ты хотела увидеть мать?

Веда кивнула, не в силах говорить.

Он помолчал, потом разжал руки, которыми всё ещё прижимал её к себе, и отступил на шаг.

– Идём. Нужно уйти отсюда до темноты.

Она пошла за ним, чувствуя странную пустоту там, где только что было тепло его тела. И ещё чувство, от которого кровь стыла в жилах сильнее, чем от встречи с духами.

Он не испугался.

Он смотрел на мертвецов спокойно. Командовал ей, что делать. Знал, как прогнать морок. Обычный человек, потерявший память, так не умеет.

Кто же ты такой, Северьян?

И почему я до сих пор жива рядом с тобой?

Глава 5. Ночной разговор

Они выбрались из топей, когда луна уже поднялась над лесом – худая, острая, как серп. Веда почти не помнила, как шла последние полчаса. Ноги двигались сами, находя кочки, обходя опасные места, а мысли всё возвращались к тому, что случилось у курганов. К белому лицу матери. К пустым глазам. И к тому, как спокойно Северьян встретил потустороннее.

Обычные люди так не умеют.

Охотники на ведьм умеют.

Она отогнала эту мысль, как только она родилась. Нет. Не может быть. Если бы он был охотником, проклятие не молчало бы. Оно бы выжгло её изнутри при первом же прикосновении. Или нет? Она ведь не знала точно, как работает проклятие с теми, в ком нет жизни. А есть ли жизнь в охотниках? Или они такие же мертвецы, как те духи?

– Здесь можно остановиться, – сказала она, останавливаясь у старого шалаша, сложенного из жердей и лапника ещё неизвестно кем и когда. – Место чистое. Я проверяла прошлым летом.

Северьян опустил на землю у входа в шалаш, тяжело дыша. Даже в лунном свете было видно, как он бледен. Веда присела рядом, откинула полу его плаща и поморщилась – повязка на боку пропиталась кровью насквозь.

– Снимай, – скомандовала она. – Перевяжу заново.

– Оставь. Дойду как-нибудь.

– Ты дойдёшь до ближайшего куста, если не остановить кровь. Снимай, я сказала.

Он усмехнулся, но подчинился. Стянул плащ, стащил рубаху через голову, морщась от боли. Веда старалась не смотреть на его грудь – широкую, с тёмной порослью волос, с выступающими ключицами и этим проклятым шрамом. Она сосредоточилась на ране. Кровь сочилась из-под швов – разошлись, когда он лез через бурелом.

– Придётся заново зашивать, – сказала она, доставая из мешка иглу с суровой ниткой, пропитанной воском и настоем подорожника. – Будет больно.

– Я потерплю.

Она работала быстро и молча. Он сидел неподвижно, только желваки ходили на скулах да пальцы, сжимавшие колено, побелели от напряжения. Когда она закончила и принялась накладывать чистую повязку, он выдохнул сквозь зубы:

– Ты хорошо это делаешь.

– Привыкла. В лесу без этого никак.

– Зверей лечила?

– И зверей, и себя. И однажды – паренька из деревни, который напоролся на сук.

– И что с ним стало?

Веда замерла на мгновение, потом продолжила завязывать повязку.

– Умер. На следующее утро.

Северьян посмотрел на неё внимательно:

– Из-за проклятия?

Она подняла глаза. Встретилась с ним взглядом и не отвела.

– Откуда ты знаешь про проклятие?

– Ты сказала. Утром. Когда говорила про мать и охотников.

– Я не говорила про проклятие.

Он нахмурился, пытаясь вспомнить. Веда смотрела на него и чувствовала, как холодок пробегает по спине. Она точно не говорила. Ни разу. Она сказала, что она ведьма, что мать убили охотники. Но не слово о проклятии. Откуда он знает?

– Ты права, – медленно произнёс он. – Ты не говорила. Тогда откуда я знаю?

– Может, вспомнил что-то?

Он покачал головой:

– Нет. Это не воспоминание. Это... знание. Будто я всегда это знал.

Они смотрели друг на друга через угасающий костёр, который Веда разожгла, пока он сидел без рубахи. Тени плясали на его лице, делая его то старше, то моложе, то чужим, то вдруг до боли родным.

– Северьян, – тихо спросила она. – Кто ты на самом деле?

– Я не знаю.

– Но ты знаешь про духов. Ты не испугался там, у курганов. Ты знал, как прогнать морок. Обычные люди так не умеют.

Он помолчал долго, глядя в огонь. Потом сказал:

– Я помню кое-что ещё. Когда ты шила рану, я вспомнил... вспомнил, как меня самого штопали. Много раз. В палатке. Пахло кровью и травой, и кто-то ругался надо мной, что я подставляюсь под удары. Это был мужчина. Старый. С седой бородой.

– Кто он?

– Не знаю. Но я называл его... – он зажмурился, силясь вспомнить, – дядька. Я называл его дядька. Он учил меня... учил всему. И ещё...

– Что?

– Он говорил: «Запомни, мальчик: ведьмы – это не всегда зло. Но те, кто за ними охотится, – всегда добро». Я не понимаю, что это значит.

Веда похолодела.

– Те, кто за ними охотится, – повторила она. – Ты был охотником?

Он открыл глаза. В них было столько боли, что у неё сердце сжалось.

– Не знаю. Может быть. И если это так... тогда я – то, чего ты боишься больше всего.

Она сидела, не шевелясь. В голове билась одна мысль: проклятие молчит. Проклятие всегда предупреждало об опасности, о том, что этот человек принесёт смерть. Но рядом с ним оно молчало. Значит, либо проклятие ошибалось, либо...

– Либо ты уже мёртв, – выдохнула она вслух.

Он усмехнулся горько:

– Иногда мне кажется, что да. Что я умер там, в лесу, а ты нашла только тело. Но сердце бьётся. Кровь идёт. И тебя я вижу.

– И проклятие молчит, – добавила она. – Понимаешь? Это самое странное. Семнадцать лет, как только кто-то проявлял ко мне интерес, пальцы начинали зудеть, предупреждая: этот умрёт, отойди. А с тобой – ничего.

– Может, я и правда не живой?

– Не говори так.

Она сама не поняла, почему эти слова вырвались так резко, почти с болью. Северьян посмотрел на неё с удивлением.

– Тебе есть дело до того, живой я или нет?

Веда отвернулась к костру, подбросила хворосту. Огонь вспыхнул ярче, осветив её лицо, и она была рада, что он не видит, как краска заливает щёки.

– Ты человек, – сказала она глухо. – Истекаешь кровью, дышишь, говоришь. Значит, живой. А проклятие... может, оно просто устало. Семнадцать лет – большой срок.

– Ты сама в это не веришь.

– Нет. Не верю.

Они замолчали. Где-то в лесу ухнула сова, ей откликнулась другая. Ночь стояла тихая, морозная, звёздная.

– Веда, – позвал он тихо. – Можно задать тебе один вопрос?

– Задавай.

– Ты говорила, что проклятие убивает тех, кого ты полюбишь. А если... если это случится? Если ты полюбишь?

Она долго молчала. Пальцы её теребили край платка, губы поджались, на лбу залегла морщина.

– Не случится, – сказала она наконец. – Я не позволю.

– А если не получится не позволить?

Она подняла на него глаза, и в них было столько тоски, сколько он, наверное, не видел никогда.

– Тогда я уйду. Уйду далеко, чтобы не видеть, как он умирает. Чтобы не знать, когда это случится. Чтобы не ждать смерти каждую минуту.

Он кивнул, принимая ответ. А потом спросил то, чего она боялась больше всего:

– А если этот человек не умрёт? Если проклятие не сработает?

Веда замерла. Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать.

– Таких не бывает.

– А если бы я оказался таким? – тихо спросил он. – Если бы я мог быть рядом с тобой и не умирать? Что тогда?

Она смотрела на него, на его лицо в свете костра, на шрам над ключицей, на глаза, в которых плескалась такая же тоска, как в ней самой. И понимала, что не может соврать.

– Тогда я бы... – голос её дрогнул, – я бы попросила тебя остаться.

Он улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у неё перехватывало дыхание.

– Я останусь, – сказал он просто. – Если ты позволишь.

– Ты не знаешь, что говоришь. Ты ничего не помнишь. У тебя может быть жена, дети, дом. Ты можешь очнуться завтра и вспомнить, что ненавидишь ведьм.

– Я знаю только одно, – перебил он. – Когда я открыл глаза там, в твоём доме, и увидел тебя, я понял: вот оно. То, чего я искал всю жизнь. Даже не помня, кто я, я знал – ты моя.

Она покачала головой, но в глазах её стояли слёзы.

– Ты не понимаешь...

– Я понимаю одно: я не боюсь твоего проклятия. И если оно убьёт меня – значит, такова моя судьба. Но уйти сейчас, не попробовав быть рядом с тобой, – это смерть при жизни. Этого я боюсь больше.

Она не выдержала. Отвернулась резко, уткнулась лицом в колени, чтобы он не видел её слёз. Плечи её вздрагивали, но она не издавала ни звука – отвыкла плакать при людях за семнадцать лет одиночества.

Он не тронул её. Не стал утешать. Просто сидел рядом и ждал, пока она справится сама. И это было дороже любых слов.

– Северьян, – прошептала она наконец, не поднимая головы. – Если ты вспомнишь что-то страшное. Если окажешься тем, кто убивал таких, как я... что тогда?

Он помолчал, потом ответил:

– Тогда я уйду. Чтобы не причинять тебе боль. Но сначала я найду того, кто наложил на тебя проклятие, и заставлю его снять его.

Она подняла голову. Глаза её покраснели, но смотрели ясно.

– Его нельзя заставить. Мать умерла.

– Я найду другой способ. – Он посмотрел на неё в упор. – Я не дам тебе умереть одной, Веда. Слышишь? Что бы ни оказалось в моём прошлом, я не дам тебе умереть одной.

Она хотела ответить, но не успела.

Где-то далеко, на краю леса, взвыл волк. И другой ему ответил. И третий.

Северьян напрягся, прислушиваясь. Веда тоже замерла – не потому, что боялась волков. Зимой они редко подходят к людям, если не голодны до крайности. Но этот вой был необычным. Слишком ровным. Слишком... осмысленным.

– Это не волки, – сказал Северьян тихо. – Это сигнал.

– Кто?

– Те, кто идёт по нашему следу.

Он встал, опираясь на палку, и посмотрел в ту сторону, откуда доносился вой. Лицо его в свете луны было спокойным, но Веда видела, как напряглась спина, как сжались кулаки.

– Они близко. Нам нужно идти.

– Ты не дойдёшь. У тебя рана.

– Дойду. – Он протянул ей руку. – Вставай. И молись своим духам, чтобы мы успели.

Она взяла его за руку, и пальцы её в который раз не ощутили проклятого зуда. Только тепло. Только силу, которая передавалась от него к ней.

Они пошли в ночь, навстречу неизвестности, а вой за спиной всё не стихал, приближаясь, окружая их со всех сторон.

Глава 6. Волчья стая

Лес встретил их темнотой и тишиной.

Та тишина, что бывает только перед большой бедой – когда звери замирают в норах, птицы перестают перекликаться, и даже ветер не смеет шелохнуть ветви. Веда чувствовала её кожей, каждой клеточкой тела, привыкшего читать знаки леса.

– Они окружают, – прошептал Северьян, останавливаясь на небольшой поляне. – Справа двое, слева трое. И один прямо по курсу.

– Откуда ты знаешь?

– Слышу.

Она прислушалась – ничего. Только собственное сердце колотится где-то в ушах. А он слышал. Знал. И это пугало сильнее, чем вой за спиной.

– Что будем делать? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он огляделся. Луна заливала поляну призрачным светом, вычерчивая длинные тени от деревьев. Впереди темнела стена ельника, позади – тропа, по которой они пришли. Справа – замёрзший ручей, слева – овраг, поросший молодым осинником.

– К оврагу, – решил он. – Там хоть какое-то укрытие. И если придётся драться, сверху видно лучше.

– Ты не сможешь драться!

– Смогу.

Он сказал это так, что спорить расхотелось. Веда только сжала покрепче нож на поясе – жалкое оружие против тех, кто охотится на ведьм, но лучше, чем ничего.

Они спустились в овраг. Северьян двигался медленно, тяжело опираясь на палку, но старался не шуметь. На дне оврага было сыро, пахло прелой листвой и ещё чем-то кислым, тоскливым. Веда нашла место под корнями старой ели – небольшую нишу, где можно было укрыться двоим, если прижаться друг к другу.

– Сюда, – шепнула она, потянув его за рукав.

Он послушно опустился на холодную землю, зажимая рукой бок. Даже в темноте было видно, как побелели его губы.

– Дай посмотрю, – прошептала Веда, потянувшись к повязке.

– Потом. Сначала они.

Она замерла, прислушиваясь. Тишина. Такая плотная, что, казалось, её можно резать ножом. А потом где-то совсем рядом, наверху, хрустнула ветка.

Веда затаила дыхание. Северьян рядом с ней превратился в камень – ни движения, ни вдоха. Только рука его нашла её руку и сжала крепко, ободряюще.

На краю оврага появилась тень.

Человек. Высокий, широкоплечий, в длинном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо. Он стоял неподвижно, всматриваясь в темноту оврага, и Веда боялась, что он услышит, как бешено колотится её сердце.

Минута. Две. Три.

Человек постоял, потом повернулся и исчез.

Веда выдохнула, но Северьян сжал её руку сильнее – «тихо, рано». И правда – через несколько мгновений тень появилась снова. Он вернулся. Проверял.

Теперь он стоял дольше. Потом достал что-то из-за пазухи – маленький, тускло светящийся предмет – и повёл им из стороны в сторону, будто сканируя пространство.

– Поисковый амулет, – выдохнул Северьян так тихо, что она скорее угадала, чем услышала слова. – Чует магию.

Веда похолодела. Её магию. Она вся была пропитана ею, как губка водой. Если амулет настроен на ведьм, он найдёт её, где бы она ни спряталась.

– Уходи, – прошептала она, вырывая руку. – Уходи, пока он не нашёл нас обоих. Я отвлеку.

– Сидеть, – рывкнул он беззвучно, одними губами, и рванул её обратно под корни.

Амулет наверху мигнул ярче. Человек сделал шаг к оврагу, ещё один. Веда видела край его сапога – кожа, добротная выделка, с металлической пряжкой.

И в этот момент Северьян сделал то, от чего у неё сердце остановилось.

Он прижался к ней всем телом, обхватил рукой за плечи и прильнул губами к её губам.

Поцелуй был коротким, жёстким, почти болезненным. Но в ту же секунду Веда почувствовала, как что-то изменилось. Будто невидимая пелена упала на неё, скрывая, пряча, стирая её присутствие из мира.

Амулет наверху погас.

Человек выругался вполголоса, постоял ещё немного, потом развернулся и ушёл. На этот раз – навсегда.

Северьян отстранился сразу, как только шаги стихли. Лицо его в темноте было не разобрать, но Веда слышала его дыхание – частое, прерывистое.

– Что... что ты сделал? – прошептала она, прикасаясь дрожащими пальцами к губам, которые всё ещё горели огнём.

– Не знаю, – ответил он хрипло. – Просто... почувствовал, что надо. Что я могу спрятать тебя. Закрыть собой.

– Ты меня поцеловал.

– Я тебя спрятал.

Они смотрели друг на друга в темноте, и между ними искрило так, что, казалось, ещё немного – и воздух загорится.

– Северьян...

– Тш-ш-ш. – Он прижал палец к её губам. – Потом. Сначала нужно уйти. Они будут возвращаться.

Она кивнула, проглатывая миллион вопросов, которые рвались наружу. Они выбрались из оврага и пошли дальше – на восток, к старому тракту, куда охотники вряд ли сунутся ночью.

Шли долго, почти до рассвета. Северьян держался из последних сил – это было видно по тому, как он спотыкался на ровном месте, как тяжело дышал, как рука его всё крепче сжимала палку. Но не жаловался, не просил остановиться.

Веда вела его, как слепого, поддерживая под руку, и думала о том, что случилось в овраге.

Он поцеловал её. И проклятие... проклятие молчало. Мало того – её сила будто спряталась, ушла вглубь, спрятанная его прикосновением. Он закрыл её от поискового амулета собой. Своим телом. Своей... чем? Магией? Но мужчины не владеют магией. Только женщины в её роду. Только ведьмы.

Кто же ты?

К рассвету они вышли к тракту – широкой, укатанной дороге, что вела на восток, к большим городам. Здесь было пусто в этот час – только ветер гулял по насту да редкие кусты придорожной полыни торчали из-под снега.

– Нужно укрытие, – сказала Веда, оглядываясь. – Ты не дойдёшь до города.

– Там, – Северьян кивнул в сторону одинокого строения вдалеке, у самого леса. – Похоже на охотничий домик.

– Может быть засада.

– Может быть. Но если я сейчас не лягу, то упаду прямо здесь.

Она посмотрела на него – на серое, измученное лицо, на тёмные круги под глазами, на то, как он дрожит мелкой дрожью, пытаясь это скрыть. И приняла решение.

– Жди здесь. Я схожу одна, проверю.

– Нет.

– Да. Ты сейчас – обуза, Северьян. Прости, но это так. Если там засада, я хотя бы успею убежать. А с тобой мы оба погибнем.

Он хотел возразить, но она уже шла к домику, проваливаясь в снег, не оглядываясь.

Домик оказался пуст.

Настоящий охотничий приют – запас дров под навесом, печка-буржуйка, пара лежаков, застеленных сухой травой, даже котелок на полке. Здесь пахло мышами и пылью, но не людьми – никто не заходил сюда минимум с осени.

Веда быстро осмотрела всё, проверила углы своим ведьмовским чутьём – чисто. Потом вышла на крыльцо и помахала Северьяну.

Он шёл долго, останавливаясь каждые несколько шагов. Когда добрался до крыльца, Веда подхватила его под руку и затащила внутрь, едва не уронив на лежак.

– Снимай рубаху, – скомандовала она, разжигая печь.

– Ты так и будешь меня раздевать каждый день?

– Буду, если ты продолжишь истекать кровью. Снимай, я сказала.

Он усмехнулся, но подчинился. Повязка снова была мокрой, но на этот раз кровь шла не так сильно – видимо, швы выдержали основную нагрузку. Веда обработала рану, наложила свежую повязку, напоила отваром из своих запасов.

– Откуда у тебя это? – спросил он, кивая на мешочек с травами.

– Собираю сама. Всё лето сушу.

– Ты многое умеешь.

– Приходится. В лесу сама за себя.

Она сидела рядом на корточках, глядя, как огонь в печи разгорается всё ярче. Северьян лежал на лежаке, прикрыв глаза, и молчал. Но молчание это было не тягостным – спокойным, почти домашним.

– Северьян, – позвала она тихо.

– М-м-м?

– Что случилось там, в овраге? Как ты спрятал меня от амулета?

Он открыл глаза. В них плескалась усталость, но мысль работала чётко.

– Я не знаю точно. Я просто... почувствовал, что могу. Будто во мне есть что-то, что сильнее их поиска. Я прижался к тебе – и это что-то накрыло нас обоих.

– Ты поцеловал меня.

– Да.

– Зачем?

Он помолчал, потом ответил просто:

– Потому что хотел. Потому что всю ночь об этом думал. Потому что когда ты рядом, я забываю про боль и страх и помню только одно – что хочу быть с тобой.

Веда отвела взгляд. Щёки её горели, сердце колотилось, как у зайца.

– Ты не знаешь меня, – прошептала она. – Ты не знаешь, что я такое.

– Я знаю достаточно. Ты спасла меня, хотя могла бросить. Ты лечишь меня, хотя я тебе никто. Ты улыбаешься, когда думаешь, что я не вижу. Ты пахнешь лесом и мёдом. И когда ты рядом, мир становится... правильным.

Она подняла на него глаза. В них стояли слёзы.

– Если ты умрёшь из-за меня, я этого не переживу.

– Не умру.

– Ты не знаешь.

– Знаю. – Он протянул руку и взял её ладонь в свою. – Слышишь? Сердце бьётся. Сильно, ровно. И проклятие молчит. Может, мы созданы друг для друга? Может, поэтому я выжил там, в лесу? Чтобы найти тебя?

Она не выдержала – уткнулась лицом в его плечо, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Он обнял её здоровой рукой, прижал к себе, гладил по волосам и молчал. И в этом молчании было столько нежности, сколько она не получала за всю свою жизнь.

Так они и заснули – в обнимку на узком лежаке, под треск дров в печи, под завывание ветра за окном. И ни один из них не видел, как на востоке, за лесом, занялась холодная зимняя заря, и как тени, оставшиеся позади, всё ещё шли по их следу, неумолимые, как сама смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.